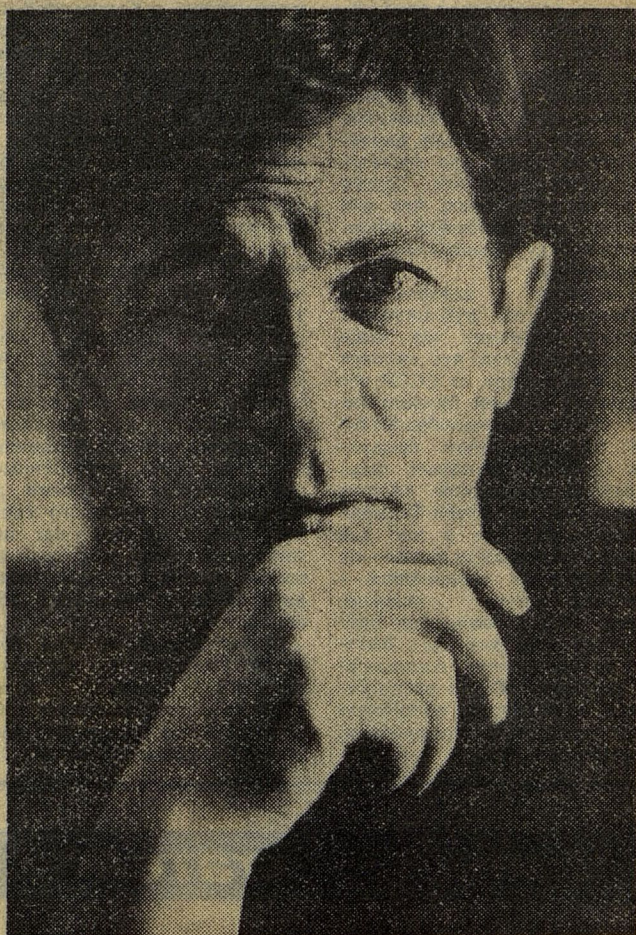

люди искусства

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

Ал. АВДЕЕНКО

ДАЖЕ тот, кто не очень хорошо знаком с Игорем Квашой, тем не менее хорошо знает, что спорить с ним — одно из самых бесперспективных занятий. Его напор, лавину доводов, а, главное, убежденность, подкрепленную интонацией, и жестом, сумеет выдержать далеко не каждый. Мне кажется, любое знакомство с людьми Кваша начинает именно со спора.

Так когда-то, еще до рождения «Современника», началось и наше общение. Так, насколько я могу судить по любой встрече, продолжают его нескончаемые диспуты со старыми и новыми друзьями. В том числе и с самым давним другом — профессором Виталием Яковлевичем Виленькиным, когда-то его педагогом по мхатовскому училищу. Лет тридцать с лишним спорят они: один кричит и горячится, другой с мягкой непреклонностью отстаивает свое. И никто не обижается, им интересно искать истину, пути к ней.

Любительская кинолента четвертьвековой уже, наверное, давности возвращает меня к первым годам знакомства. Кваша все такой же спортивный (сейчас, как тогда), все такой же напористый (подождите, еще завтра) и, конечно, спорит. С кем? Разве это имеет значение? Хотя бы с академиком Ландау! Кваша насаждает, Кваша загоняет в угол, а Лев Давидович, улыбающийся, ироничный, с растрепанной седой головой — тогда моложе нашего нынешнего героя, остроумный и парадоксальный, похоже, не находит, что ответить Кваше — во всяком случае на моей немой киноленте. Но если вспомнить, академику тогда на крымском пляже задавали бесконечные вопросы: что он читает, как он относится к тому или иному художнику, к суевериям, снежному человеку, к любви, к космическим только начинавшимся полетам. Кваша же осмеливался спорить с Ландау о физике. И что — академику было не скучно говорить о ней с человеком, знающим предмет в пределах школьного курса. А подружились они именно в разговорах о квантах, теории относительности. Академик сразу почувствовал в Кваше неподдельный интерес к делу, не праздное любопытство, а попытку понять человеческое наполнение профессии.

Сама профессия артиста и есть человековедение. По-разному относится к этому служители сцены и экрана. Одни считают, что этот талант заведомо присущ им, и идут к своему герою от себя. Игорь Кваша принадлежит к тем, кто приходит к себе, пройдя или по крайней мере стремясь пройти дорогами других. Он максималист даже в увлечениях, душе всего опасаясь дилетантского полужнания и полужмения.

Уже очень известным актером он сжимался в фильме «Жребий», играл хоккейного вратаря, которого хотя бы заменил более молодым коллегой, играл драму ухода из спорта, ожесточенность таланта, которому надо доказывать, что он еще талант. Все это так, но он еще играл и просто хоккейного вратаря, то есть стоял в воротах с клюшкой в руках, отражал настоящие шайбы, летящие в него, и спортивный консультант по достоинству оценил именно его спортивное умение. Смешно говорить, что и в фильме «Преждевременный человек» (по горьковскому «Богомолу») на лошади скакал он, а не дублер — прежде чем согласиться на роль, Кваша научился управ-

лять конем. Помню, как он начинал ездить на машине — он четко знал, как надо, но этого, увы, еще не умела под его руками и ногами машина. Буквально через месяц-полтора я встретился с ним в Ленинграде, где гастролировал «Современник», и по городу меня вез ас баранки и четырех колес: оказалось, тренировался, брал уроки, и не у кого-нибудь, а у известного автораллиста Леонида Рабиновича. Покорен был однажды Кавказскими горами и решил сам покорять их, взбираясь к высоким вершинам с Вахтангом Кирикашвили, знаменитым нашим альпинистом, и не менее знаменитым футболистом, ставшим на склоне лет гороскоходителем, Спартаком Джеджелавой. И тем тоже было с Квашой интересно — и по человечески, и чисто профессионально.

Не слишком ли я увлекся, рассказывая об актере вне сцены, экрана, радиостудии? Но ведь «вне» — это только для постороннего взгляда. Театр для Игоря Квашы — одного из создателей «Современника», его ведущего мастера, народного артиста РСФСР — это вся жизнь, а жизнь не поделишь надвое. И оттого кино, радиоспектакли, автомобильная баранка, горновосхождения, споры о квантах — это тоже жизнь. Та же самая, формирующая убеждения, расширяющая кругозор, испытывающая на прочность.

Он был один из немногих, кого после окончания Школы-студии МХАТа не просто оставляли в труппе театра, но обещали роли. А в начале пятидесятых театральную молодежь не слишком баловали, так что за эти обещания в пору было хвататься обеими руками. Кваша не схватился. Он стоял у истоков нового театрального начинания — своего театра-студии.

Благодаря таким, как он, театр состоялся. И он верен ему по сию пору. Не счастье написанного о ночных бдениях молодых актеров, объединившихся в студию, которая дала начало «Современнику», не упомянуть всех «за» и «против», а от каждого зависела судьба, не воспроизвести испытаний, что пришлось перенести, проще вспомнить, сколько людей ушло от дела, которое они считали неделимым. Это тоже жизнь.

Помню, когда Олегу Ефремову, создателю «Современника», его главному режиссеру, духовному и волевому вожаку коллектива, предложили возглавить МХАТ, я был одним из первых, кому он сказал об этом. Ефремов согласился, но думал о «Современнике», о том, как отнесется к его решению товарищи. Он сказал тогда, наверное, самое сокровенное, что его волновало: «Кваша поймет и «Батя» тоже». Поняли, конечно, и «Батя» — Егстигнеев, и Кваша. Многие пошли за своим главным режиссером, вернулись в мхатовское лоно. Кваша тоже имел право так поступить — мхатовец по воспитанию, культуре, верности принципам Станиславского.

Он понял, по остался в «Современнике». В театре, где его человеческая юность переплеталась с юностью его героев, будь то современные в те годы «Два цвета» или «Вечно живые», что живут до сих пор. Будь то «Голый король», с которого началась его артистическая известность, или «Сирано де Бержерак», где герой, представленный Квашой, не считался, во всяком случае в пору премьерных спектаклей, его такой уж большой удачей. А во мне до сих пор звучат ростановские стихи, сердцем пережитые и сердцем артиста воспроизведенные. По-моему, тогда еще Кваша не читал стихов ни по радио, ни по телевиде-

нию, и никто еще его не хвалил за поэтическое чутье, за созвучные написанным строкам произнесенные слова. А Ростан звучал у Квашы поразительно — вдохновенно и самоуничтожительно, возвышенно и «низко». Он не боялся самообнажения, хотя кому-то это и казалось принижением героя.

На сцене «Современника» Игорь Кваша сыграл почти что во всех знаменитых спектаклях. И почти во всех — главные роли. Не только по тексту и числу выходов. Его роль — всегда главная, какой бы эпизодической она не представлялась. Но речь сейчас не о количестве слов в роли и не о мастерстве — дескать, нет маленьких ролей, а есть такие-то актеры и так далее...

Игорь Кваша — ведущий артист театра, и его репертуар — это красная строка в афише. Он играл героев Хемингуэя, Симонова, Розова, Айтматова, Горького, Ибсена, Булгакова, Ромина. Он играл разные обстоятельства и разные состояния. Но всегда убеждения своего персонажа превращал в главные на свете, одновременно и взыскующие, и взыскательно подходя к себе и зрителю. Даже когда это был Первый министр из «Голого короля» или персонаж, призывающий «годить» («годить» — это «у-«по»-годить), из «Балалайкины и К°» по Н. Салтыкову-Щедрину.

Вернемся к размышлению, где актер идет от себя, а где от жизни. У Игоря Квашы нет такого разделения — он все-таки прежде всего идет от мысли своего персонажа, но выбирает для себя такие мысли (читай — персонажей), которые интересно проверить на публике, то есть в жизни. Как зритель думаю, что ему ближе люди действующие, говорящие правду, сознательно идущие на конфликт и не требующие гарантий, если эта правда вдруг не возьмет верх. Но стремящиеся к ней, независимо ни от чего.

Таковыми героями правда и делается — они сами гарантия того, что она победит. Правда солдата из «Вечно живых» и правда Карла Маркса из фильма Г. Рошаля «Год как жизнь», образ которого артист создал с отвагой первооткрывателя.

За плечами Игоря Квашы десятки ролей в кино, в театре, на радио. Ролей десятки — исполнитель один. Для артистической профессии дело обычное. Самая главная, знакомая мне по годам дружбы и знакомства, черта Игоря Квашы — постоянство. Верность профессии, дружбе, любви, непрекращающемуся спору.

Завтра у него, как сказали бы в старину, «бенефис». В день своего пятидесятилетия он играет главную роль — Мольера — в им же самим поставленном спектакле «Набала святош» по Михаилу Булгакову. Потом, как это принято в «Современнике», будет «капустник», где, конечно же, Кваше достанется от товарищей, несмотря на юбилейную дату. Он сам их к этому побудил своей требовательностью, где любовь — производное от требовательности.

Я без сожаления режу старую пленку — там много, кто есть еще, — выкраивая из нее Квашу. Квашу на фоне многих лиц и многие лица на фоне Квашы.

Время меняет кого угодно. Его же, кажется, нет. Просто тогда он был чуть моложе — это видно. Но видно и другое — он уже тогда был самим собой. И как актер, и как человек.

Народный артист РСФСР
Игорь Кваша.
Фото В. Плотникова.